

византийское время, экскуссия достигает кульминационной точки в своем развитии: светская экскуссия уже передается теперь по наследству. К этому же времени ученый относит развитие судебного иммунитета⁴⁸. Эволюция экскуссии связана, по мнению Б. Т. Горянова, с превращением проции в наследственное владение⁴⁹.

С точки зрения М. М. Фрейденберга, посвятившего специальное исследование византийскому иммунитету XI—XII вв., экскуссию этого времени следует рассматривать как законченный податный иммунитет. Дарование экскуссии, как правило, связано в актах XI—XII вв. с пожалованием париков, а пожалование париков обычно не производится без дарования экскуссии на них. Это показывает, что «первым значением института экскуссии становится оформление прав феодала-экскуссата на прибавочный труд зависимых крестьян»⁵⁰.

В противоположность Б. Т. Горянову, считающему, что судебный иммунитет сложился только в поздневизантийское время, и А. П. Каждану, полагающему, что хотя уже в XI—XII вв. имеются примеры законченного судебно-административного иммунитета, но они не стоят ни в какой связи с экскуссией — податной льготой, М. М. Фрейденберг утверждает, что хотя юридически экскуссия является только податной льготой, однако на практике пожалование ее означало передачу экскуссату не только прав на сбор налогов, но и всей той власти, которая необходима была для реального осуществления этих прав⁵¹. Такой же точки зрения придерживается, как известно, Г. Острогорский⁵².

Считая, что пожалование экскуссии означало в то же время передачу определенных судебно-административных прав, М. М. Фрейденберг пытается выяснить причину умолчания об этих правах в экскусионных грамотах. Она заключалась, полагает он, в том, что объем судебных прав определялся объемом переданных налоговых прав, «т. е. феодал имел право судить и наказывать прежде всего по делам, связанным с взиманием ренты»⁵³. Впрочем, размеры передаваемой ренты, добавляет М. М. Фрейденберг, в грамотах также не устанавливались. Это последнее объясняется, по его мнению, тем, что в XI—XII вв. феодалу жаловались обычно обедневшие парики, в отношении которых государство легко отказывалось от всех своих прав — как налоговых, так и судебно-административных, тщательно оберегая в то же время свои права на эксплуатацию общины. Иными словами, в экскусионных грамотах не говорится об объеме и передаче судебно-административных прав, а также о размерах передаваемой по экскуссии ренты, что эти права, равно как и рента, передавались во всей их полноте. С этим выводом М. М. Фрейденберга вряд ли можно согласиться. Ведь размер переданной ренты обычно не определяется и в грамотах XIV в., когда экскуссия жаловалась не только на обедневших приселившихся париков, но и на целые деревни и, следовательно, государство не так легко отказывалось от своих прав. Очень часто также ничего не говорится в этих грамотах и о судебно-административных правах экскуссата. Думается, что это объясняется самой юридической природой экскуссии, тем, что этот правовой институт означал только освобождение от налогов. М. М. Фрейденберг, по-видимому, склонен смешивать юридическую сторону вопроса с действительным положением вещей. Достоинством его работы является, однако, то, что он показывает, каким образом, не-

⁴⁸ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет, стр. 114.

⁴⁹ Там же, стр. 115.

⁵⁰ М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 3, 1958, стр. 350.

⁵¹ Там же, стр. 359.

⁵² Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии..., стр. 96 сл.

⁵³ М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв., стр. 360.